

А. Г. Тепляков

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ: КОМИССАР, ЧЕКИСТ, ВОЕННЫЙ РАЗВЕДЧИК ВЛАДИМИР ШИШКОВСКИЙ

Принята к публикации 22.11.2018

Статья посвящена анализу биографии советского военного деятеля полковника В. М. Шишковского (1892—1938), реконструированной по малоизвестным архивным источникам, почерпнутым в том числе из фондов органов государственной безопасности. Шишковский относился к тем энергичным деятелям из «низов», которые в дореволюционный период встали на путь нелегальной борьбы с государственными порядками, а после революций 1917 г. получили возможность воспользоваться появившимися социальными лифтами. Шишковский смог проявить себя как партизанский организатор и активный создатель частей Красной армии на Украине. В начале 1920-х гг. Шишковский участвовал в секретных операциях органов ВЧК-ГПУ на юге России и в Грузии, подвергся необоснованным репрессиям, но смог, умело применяя практики социальной адаптации, добиться серьезных карьерных успехов. Он проявил себя в организации военного обучения в ряде регионов страны, был причастен к деятельности разведки РККА, а в итоге был уничтожен как «враг народа». Биография Шишковского дополняет образ типичного советского военного деятеля яркими деталями, позволившими изначально маргинальной личности адекватно вписаться в номенклатурный контекст советской эпохи, требовавшей, по словам В. И. Ленина, «людей потверже».

Ключевые слова: Шишковский, революционное подполье, Гражданская война, спецслужбы, провокации, Красная армия, репрессии.

DOI: 10.32324/2412-8945-2018-3-12-18

В постсоветский период изучение биографий вызывает устойчивый исследовательский интерес и ныне представляет собой важную и стремительно пополняющуюся отрасль научного знания. Происходящий в настоящее время, по мнению многих гуманитариев, антропологический поворот диктует пристальное внимание к отдельным личностям, практикам их идентичности и адаптации к вызовам драматических эпох. Данный материал призван осветить биографию интересного исторического персонажа, активно участвовавшего в событиях первых десятилетий XX столетия на юге России, Украине, в Москве и Сибири. Несмотря на появление в последние два десятилетия многочисленных энциклопедических и справочных изданий о кадрах советских спецслужб и Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), полковник-орденоносец В. М. Шишковский пока остается неизученной фигурой. Задача предлагаемого исследования — с помощью новых архивных документов открыть неизвестные страницы биографии Шишковского, тесно связанной с важными событиями военной истории, а также с деятельностью органов государственной безопасности и военной разведки.

Основательно забытый потомками, полковник Владимир Шишковский родился 27 мая 1892 г. в железнодорожной будке в семи верстах

от ст. Запорожье (позднее Баглей) в семье ссыльных. Его отец, Михаил Иннокентьевич, происходивший из мастеровых Сувальской губернии и работавший плотником, за участие в Польском восстании 1863 г. был сослан в с. Усолье Иркутской губернии. В момент восстания Шишковскому-старшему было 32 года. В Усоле он женился на сосланной туда (не за «политику») в 1870 г. из Екатеринославской губернии крестьянке Любове Матвеевне Лагутиной, бывшей намного моложе его и родившей 10 детей, из которых четверо умерли во младенчестве. Отбыв каторгу и ссылку, М. И. Шишковский покинул Сибирь и обосновался на Украине, работая на постройке Екатерининской железной дороги. Состарившись, он продолжал трудиться путевым сторожем (будочником) на ст. Запорожье и Тритузное (с. Каменское), зарабатывая скромные 12 рублей в месяц, и в 69-летнем возрасте, в 1900 г., был уволен как престарелый. Он умер три года спустя, оставив на иждивении вдовы двоих младших детей — Владимира и его сестру (старшие четыре дочери к тому времени были выданы замуж). Л. М. Шишковская имела нерегулярный заработок, работая сторожихой-будочницей, поденщицей, также подрабатывала она прачкой и уборщицей, зарабатывая 30—40 копеек в день. Семья жила в нужде, а Владимир, отличавшийся любознательностью и неординарными способностями, очень хотел учиться. Церковно-приходскую школу при помощи матери-самоучки он окончил в одну зиму,

но начальное училище посещал лишь два месяца, поскольку не имел теплой одежды и обуви, чтобы в холода ходить в школу за 12 верст [4, л. 122].

Владимиру, вероятно, не было и 10 лет, когда он стал подрабатывать, нанимаясь в ученики то к плотнику, то к маляру, то к кровельщику, вскоре покидая их, «не будучи в состоянии вынести грубости и побои пьяных своих руководителей». Затем был учеником в парикмахерской и мануфактурной лавке, «но и оттуда уходил не вынеся эксплуатации и голода». Возможно, характер юного Володи не отличался покладистостью. В 11 лет он устроился «мальчиком» при аптеке в заводскую больницу Днепровского завода, но через год заболел и покинул место, а в 1905 г. смог устроиться подметальщиком в доменный цех того же завода. В заводской больнице он познакомился с работавшими там анархистами и социал-демократами, участвовал в демонстрациях рабочих. Шишковский познакомился с работавшими в доменном цехе и чуть более старшими, чем он, братьями-подростками Станиславом, Иосифом и Владимиром Косиорами — будущими видными революционерами и советскими политическими деятелями, тоже польского происхождения. Они вместе читали полученную Шишковским от старших товарищей марксистскую литературу («Манифест коммунистической партии», «Критику Готской программы»). С этого, можно сказать, началось его участие в революционной деятельности. В начале 1906 г. устроился поближе к мужу сестры, Василию Москаленко, поступив учеником строгальщика в механический цех Юрьевского металлургического завода на ст. Алчевская. Москаленко в то время организовывал боевые дружины на заводе и прилегающих рудниках, используя 13-летнего племянника в качестве курьера и распространителя листовок. С 1906 г. юноша считал себя анархистом и увлекался больше Кропоткиным. Анархо-коммунистом он пробыл до 1917 г., но формально, как заявлял в 1930-х гг., в партии не состоял [4, л. 123].

В декабре 1905 г. в ответ на подавление восстания горловских рабочих подпольщики Юрьевского завода организовали дружины для поддержки товарищей: заострили железные прутья, превратив в пики, и несколькими эшелонами прибыли на ст. Горловка. Шишковский, выполняя поручение, привез узелок с охотничьим порохом. В автобиографии позднее он писал: «Результат поездки был не блестящий. При столкновении с казаками на мосту Горловского завода наши дружинники с пиками в руках, вооруженные охотничьими ружьями, с первых залпов стали разбегаться. Толпа, хлынувшая обратно, приволокла меня в вокзал, где, смешавшись... [мы за] стенами вокзала старались укрыться от пуль...» [4, л. 123]. В. Москаленко был арестован, и содержать его большую семью пришлось Владимиру.

Весной 1907 г. Шишковский был арестован во время нелегального собрания и после двухмесячного заключения в Луганской тюрьме оказал-

ся приговорен к высылке по месту приписки, т. е. в родное сибирское с. Усолье [4, л. 124]. Выручила его (как несовершеннолетнего) мать, устроив свою приписку к мещанам Екатеринославской губернии, после чего Владимир работал на заводе «Провидож» в Мариуполе и Каменском металлургическом заводе [1, л. 11]. Затем ему, находившемуся на полуполюгальном положении, пришлось постоянно менять места работы на мелких шахтах Донбасса, перепробовав как основные горные профессии (был плитовым, откатчиком, саночником, коногоном), так и специальности слесаря и металлста. Он участвовал в организации стачек и протестов, тут же меняя место работы в случае опасности. Шишковский встречался по революционной работе с видными украинскими подпольщиками-большевиками: Г. И. Петровским и А. Ф. Радченко [4, л. 124].

В 1917 г. Шишковский работал токарем на Горловском артиллерийском заводе. После Февральской революции он стал членом Горловского городского совета, участвуя в организации советов, профсоюзов, рабочей милиции, а при немецкой оккупации Украины — участником партизанского движения. После подавления германскими войсками восстания в Мариуполе Владимир Михайлович в августе 1918 г. бежал в Курск, где по поручению члена ВУЦИК Андрея Иванова занялся организацией партизанских отрядов. В ноябре он был назначен командиром 9-го повстанческого полка, сформированного из нескольких небольших партизанских отрядов. После ухода германских войск Военный совет Украинской повстанческой армии в декабре 1918 г. поручил Шишковскому участвовать в формировании бригады из отдельных отрядов, назначив его комиссаром и заместителем командира бригады.

В конце декабря бригада была сформирована, и Шишковский получил командование 12-м партизанско-повстанческим полком 4-й партизанской дивизии [4, л. 126]. С этим полком Шишковский влился в Красную армию и участвовал в наступлении на Славяносербск, Беловодск, Луганск, Дебальцево и Бахмут, а в январе 1919 г. захватил Луганск, где, согласно автобиографии, «установил Луганский фронт». За этот успех он получил от командира 4-й партизанской дивизии именную шашку. В данный период бывшие партизаны были сведены в 13-ю армию РККА, насчитывавшую более 30 тыс. бойцов, в том числе 10 тыс. татар-мусульман. В марте 1919 г. Шишковский был контужен под ст. Тоннельная, но вскоре, не до конца поправившись, продолжил командование полком, переименованным из 12-го в 372-й. В апреле он возглавил бригаду 42-й стрелковой дивизии, но в конце месяца из-за последствий контузии получил направление лечиться с одновременным откомандированием в Военную академию. За выход в тыл противника и принятие, несмотря на тяжелую контузию, командования бригадой «в самый критический момент для фронта», Шишковский командующим 13-й армией И. С. Кожевниковым был представ-

лен к ордену Красного Знамени (это представление не было утверждено). Из-за наступления белых в начале мая 1919 г. Шишковский не смог покинуть фронт и снова получил полк, которым усиливалась 1-я отдельная украинская бригада Таганрогского участка, а с 6 мая командовал уже всей этой бригадой. В это время он был членом партии большевиков. В июне штаб 13-й армии назначил Шишковского начальником гарнизона Реввоенсовета армии, который предназначался для борьбы с махновским движением в тылу. Мощное наступление белых быстро вытесняло большевиков с Украины, и Шишковский 15 июля 1919 г. получил приказ сдерживать противника, окружившего штаб армии в Купянске. За умелое руководство боями и храбрость, проявленную в этот критический момент, Шишковский получил золотые часы от ВЦИК [4, л. 126, 127].

Через неделю ему было доверено командовать войсками Курского направления, которые формировались из разбитых частей РККА и в итоге составили отдельную бригаду 13-й армии. Шишковскому пришлось отступить с бригадой от Орла и получить под свое командование войска Орлово-Болховского направления, образованные из отступавших после падения Орла частей. Приведя их в порядок, Шишковский сформировал группу из остатков двух бригад Орловского и Курского укрепрайонов, 2-й и 3-й бригад 9-й дивизии, 7-го заградительного отряда этой же дивизии, отряда орловских курсантов, а также всех разрозненных отрядов и групп, отступавших от Орла в направлении Болхова. В тяжелом сражении под г. Обоянь (ныне территория Курской области) Шишковский вынес из боя одновременно получивших ранения комиссара бригады Черного и председателя трибунала Романова, за что был удостоен благодарности от лица Рабоче-крестьянского правительства [4, л. 126, 128].

Лето и осень 1919 г. были самым кризисным периодом для коммунистов: ибо тогда успешное наступление Деникина и Юденича поставило под угрозу Москву и Петроград, где некоторое время царили паника и приготавлился переход большевистской верхушки на нелегальное положение. После того как поход белых захлебнулся, Шишковский повел свои войска (группу Орлово-Болховского направления и «отдельную бригаду имени Шишковского»¹) в наступление и 20 октября занял Орел, где был назначен начальником гарнизона. В боях за город Шишковский получил ранение, а в начале 1920 г. заболел тифом и до весны вышел из строя [4, л. 127].

После выздоровления красный командир получил назначение комбригом 7-й бригады 3-й дивизии и в качестве начальника левого Перекопского боевого участка руководил в середине апреля наступлением на Перекоп 7-й и 8-й бригад [4, л. 127]. Позднее за бои под Перекопом его удостоили ордена Красного Знамени. Бои за

Крым затянулись. Реввоенсовет 13-й армии 26 августа 1920 г. командировал Шишковского в Новороссийск начальником отряда особого назначения, который должен был действовать во врангелевском тылу. С этого фактически началась особая полоса в карьере краскома, связанная с его двухлетней работой в спецслужбах [1, л. 12].

С 17 сентября 1920 г. со своим отрядом и группами партизан Шишковский вел в Новороссии диверсионную работу «по разрушению и дезорганизации тыла противника». Этот опыт был признан удачным, и после захвата Крыма красными в конце ноября 1920 г. Шишковский сразу получил новое ответственное задание. Реввоенсоветом 13-й армии ему была поручена «работа секретно-оперативного характера» на территории Грузии в период, когда Красная армия готовилась оккупировать эту страну под предлогом интернациональной помощи местным коммунистам. В декабре 1920 г. Шишковский отбыл в Батум и Тифлис в качестве нелегала под «крышей» работника наркомата внешней торговли, занимаясь «оперативно-разведывательной работой». До 4 февраля 1921 г. Шишковский участвовал в подготовке вторжения, а затем встретил части атаковавшей меньшевистскую Грузию 11-й армии, успешно отчитался о проделанной работе и получил назначение комендантом укрепрайона на линии Сурам — Михайлово (ныне Хашури) — Боржом. По каким-то причинам Особый отдел 11-й армии, оккупировавшей Грузию, арестовал Шишковского, и тому пришлось провести месяц в тифлисской тюрьме. Вероятно, это было проявлением частой тогда неразберихи между разными подразделениями репрессивно-карательных органов. А 20 апреля 1921 г. Шишковский был отозван в распоряжение командующего Вооруженными силами Украины и Крыма М. В. Фрунзе и приступил к подавлению повстанческого движения в республике [1, л. 11, 12].

Карательная работа на территории Украины была признана успешной, и в июне 1921 г. Шишковского перебросили на Кубань, где неспокойное казачество ждало падения большевиков, активно поддерживая повстанческие отряды. Наш герой получил ответственную должность начальника оперативного штаба по борьбе с бандитизмом в Особом отделе ВЧК Северо-Кавказского военного округа (Ростов-на-Дону), а затем стал начальником отделения по борьбе с бандитизмом в полпредстве ВЧК-ГПУ по Юго-Востоку. Повстанческая активность на юге России оставалась значительной, так что у работников, разыскивавших уголовно-политические отряды (с их остатки), было много работы. Достаточно сказать, что только во внесудебном порядке на Кубани в 1921 г. были расстреляны тысячи людей, причем такой немилосердный военный чиновник, как К. Е. Ворошилов, заявил, что репрессии зачастую были малообоснованны. Выступая в ноябре 1921 г. на пленуме Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), Ворошилов сообщил (опираясь на информацию ревтрибунала) об уничтожении в последнее время

¹ В то время было принято давать имена командиров не только партизанским отрядам, но и регулярным частям РККА.

на Кубани «политтройками» без суда и следствия до 3 тыс. обвиненных в повстанческой деятельности граждан, считая такую цифру перегибом: «...Кубань изобилует преступными элементами, которые следует вырезать... <...> Захваченных на месте бандитов можно расстреливать, но если вы [их] арестовали, то будьте добры расследовать. Кубанцы могут подтвердить, что расстреливались люди, которых было бы желательнее затем воскресить» [5, с. 356].

Есть сведения, что осенью 1921 г. во время очень жесткой партийной чистки Владимира Михайловича на недолгое время исключили из РКП(б) из-за доноса, в котором он именовался деникинским полковником, женатым на графине Дубасовой, в 1921 г. бежавшей за границу [1, л. 12, 13, 1—2]. Подобные ложные доносы были очень типичны для чекистской корпорации, рассматривавшей «сигналы» и как должное проявление служебной бдительности, и как необходимый регулятор взаимоотношений в этой очень конфликтной среде, разделенной на всевозможные клановые сообщества.

Затем карьеру Шишковского подкосил крайне неприятный эпизод, который хорошо показывает нравы тогдашних чекистов и их высокопартийных покровителей. В результате грязной интриги со стороны полпреда ВЧК по Юго-Востоку России Г. А. Трушина Владимира Шишковского весной 1922 г. арестовали за связь с контрреволюционной организацией и «группирование политбандитов для борьбы с Соввластью». Это было сделано Трушиным в личных целях — чтобы проявить бдительность, но не только. Поводом, как рассказывал Шишковский на следствии в 1937 г., послужила записка, переданная в середине февраля 1922 г. для Шишковского от его случайного знакомого Москвичева, арестованного по делу сочиненной чекистами в 1921 г. повстанческой организации К. Э. Ухтомского (по ней прошло 257 человек). В записке было лишь сказано, что Москвичев ничего не говорил следователям о Шишковском, однако из этой перехваченной бумажки работники полпреда ГПУ раздули дело и упрятали коллегу под замок вместе с супругой [1, л. 2, 16, 17].

Центральная контрольная комиссия РКП(б) 2 сентября 1922 г. получила от видного работника центрального аппарата ГПУ А. А. Холщевникова (заместителя начальника Юридического отдела Госполитуправления РСФСР) данные о крупных злоупотреблениях полпреда ГПУ по Юго-Востоку России Трушина и его подчиненных: необоснованных арестах, хищениях и растратах денег, продовольствия и др. Трушину также вменили в вину избивание арестованного Шабалина и необоснованный арест супругов Шишковских, которых «без достаточного материала» обвинили в измене и шпионаже. При этом Трушин использовал арест супруги Шишковского Александры Еремеевны Шишковской-Гордеевой в своих интересах: она неоднократно вызывалась в кабинет полпреда якобы на допрос и находилась там до

утра. Затем женщина была освобождена, и ей чекисты выделили квартиру, где встречи с Трушиным продолжались. Об их сожительстве стало известно всем сотрудникам полпреда ГПУ, а сам Трушин не только не скрывал, но даже хвастался этим. Поэтому очень вероятно, что арест Шишковских был вызван желанием Трушина получить понравившуюся женщину. Свой разврат чекист прикрывал служебной инициативой: пока муж Шишковской сидел в тюрьме, женщину по заданию Трушина дважды посылали в Батум для определения на закордонную работу, но оба раза по распоряжению начальника Особого отдела ГПУ В. Р. Менжинского, курировавшего внешнюю разведку, возвращали обратно. В итоге Трушин оформил ей паспорт подданной Греции и отправил на некоторое время из Новороссийска в Константинополь — следить за белоэмигрантами. После получения заявления Холщевникова началось разбирательство, которое закончилось тем, что Трушину указали на недостатки в его поведении. Решающим при определении такого символического наказания Трушина оказалось мнение А. И. Микояна и К. Е. Ворошилова, которые охарактеризовали чекиста как «весьма крупного организатора» [5, с. 261]. Заметим, что брак с А. Е. Шишковской после истории с домогательствами Трушина наш герой сохранил, и супруги после этого кризиса благополучно прожили еще 15 лет, воспитывая двух дочерей-погодков. Возможно, Шишковский понимал, что без такой жертвы со стороны жены он мог и не выйти на свободу. И, судя по некоторым данным, крепко выпивал.

Шишковский более четырех месяцев провел в заключении — сначала в Ростове-на-Дону, а в июне-июле 1922 г. его перевели в Москву, где он вскоре был освобожден из заключения за недоказанность вины и восстановлен в «органах». Его сначала направили в распоряжение Отдела по борьбе с бандитизмом ГПУ, а через некоторое время сделали помощником начальника Отдела по борьбе с контрабандой, но карьера в ГПУ оказалась короткой [1, л. 2, 12, 13]. С 14 марта 1923 г. Шишковский оказался переведен в слушатели Высших юридических курсов при наркомате юстиции. Учился он недолго, был возвращен в кадры РККА и уже 16 июня 1923 г. получил назначение в Забайкалье командиром 107-го полка на ст. Даурия, где прослужил почти год. В апреле 1924 г. Шишковский был направлен слушателем в Военную академию, [4, л. 127], что открывало перед заслуженным краскомом неплохие карьерные перспективы.

Надо признать незаурядные способности этого человека. Шишковский окончил высшие юридические курсы и историко-философское отделение Комакадемии, овладел французским, чешским и румынским языками. Польский он знал, видимо, с детства, но, отметим, в условиях, когда Польша постоянно фигурировала как враждебное государство, Шишковский предпочел сменить национальность и в более поздних анке-

тах превратил себя из поляка в украинца. Такая практика была характерна для многих представителей меньшинств, превращавших себя либо в русских, либо в представителей более безопасных национальностей (украинцев, белорусов) из поляков, евреев, немцев и т. д.

Важно, что в период обучения он стал фигурантом агентурной разработки «Братья», заведенной 6-м отделением Контрразведывательного отдела ОГПУ в 1926 г. По ней Шишковский некоторое время разрабатывался «как имеющий связи с контрреволюционным духовенством» [1, л. 2]. Возможно, внимание органов ОГПУ было связано с арестом в начале 1926 г. бывшего его начальника — командарма-13 Кожевникова, отправленного затем в Соловецкий концлагерь и расстрелянного в 1931 г. Большинство подобных чекистских разработок базировалось на очень сомнительных агентурных материалах и заканчивалось сдачей в архив. Для Шишковского в тот момент разработка «Братья» не имела последствий, но в будущем стала одним из оснований его ареста. Другим, куда более роковым фактом его биографии, стало то, что начальником академии являлся Р. П. Эйдеман, в 1937 г. расстрелянный вместе с М. Н. Тухачевским.

Отучившись три года, Шишковский в 1927 г. получил диплом и был направлен в Херсон командиром 45-го стрелкового полка. Проявив себя дельным командиром и будучи избранным в состав Херсонского окрисполкома, в конце 1928 г. он был повышен и переведен на должность начальника штаба 44-й дивизии, базировавшейся в Житомире. Интенсивное строительство в РККА системы военно-учебных заведений определило дальнейшую судьбу Шишковского: летом 1930 г. его назначили преподавать общую тактику на Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава в Новочеркасске, а в конце 1930 г. отправили в Военную академию им. М. В. Фрунзе в качестве адъюнкта с перспективой получения ученого звания. Но ровно год спустя Шишковского перевели в Одессу и назначили помощником начальника штаба 6-го стрелкового корпуса, а затем — помощником командира 51-й стрелковой дивизии.

Через некоторое время ему удалось вернуться с Украины в Москву и приступить к преподавательской работе в Военно-Воздушной академии им. Н. Е. Жуковского (1933—1934 гг.), где руководством отмечался его «большой оперативно-технический кругозор» [2, л. 16—17]. Преподавание будущим авиаторам сменилось откомандированием в систему военной разведки. Опытный командир и преподаватель, Шишковский в январе 1935 г. получил назначение на должность сотрудника особых поручений в Разведуправлении РККА по отделу внешних сношений и проработал в разведке 10 месяцев, до 17 ноября 1935 г. Можно предположить, что он занимался изучением достижений авиации западных государств. Секретная работа продлилась недолго, возможно, из-за постоянных чисток кадров разведки на фоне

истерических требований всемерно повышать политическую бдительность. 7 декабря 1935 г. полковник В. М. Шишковский получил должность заместителя начальника одного из военизированных вузов — Новосибирского института военных инженеров железнодорожного транспорта (НИВИТ) [4, л. 121, 127]. На этой должности (некоторое время он исполнял обязанности начальника института) он успел поработать менее двух лет: 5 ноября 1937 г. Шишковский был арестован. За предшествующие аресту месяцы он успел испытать политическое недоверие к себе: в феврале 1937 г. был исключен из ВКП(б) за былые троцкистские колебания в период обучения в Военной академии.

Поиск «врагов народа» в армии довольно быстро вывел чекистов и на Шишковского, чья биография была обременена как знакомством с уже репрессированными видными военными, так и доносами предшествующих лет. «Сигналы» перемежали политические обвинения с бытовыми. Было замечено, что Шишковский «восхвалял врага народа» командарма 1-го ранга И. П. Уборевича, называя его по имени-отчеству, а также не принял мер к «очистке» института от врагов. О нехватке хлеба в столовой института полковник высказался так: «Если бы это был частник, тогда бы можно было нажать, а то ведь это дортрансторгпит». Тяжелый и неразвитый быт 1930-х гг. был окрашен частыми алкогольными возлияниями, типичными для досуга всех слоев общества. Шишковского обвинили и в том, что он в феврале 1937 г. разрешил студентам в общезимней отпраздновать годовщину создания РККА пивом, а также поучал, как надо правильно употреблять спиртное: «Вот мы в Кремле пили по рабоче-крестьянски — стояли дежурные машины и кто был под столом, тех развозили по домам» [2, л. 18].

В первом отделении Особого отдела УНКВД по Новосибирской области 31 октября 1937 г. была подготовлена справка на арест Шишковского, подписанная заместителем начальника отдела П. Ф. Коломийцем [1, л. 1—3]. В ней содержались совершенно фантастические данные на полковника запаса, перемежавшиеся с крупными подлинными фактами. Так, утверждалось, что Шишковский был крупным анархистом и за экспроприации на территории Донской области якобы был осужден к повешению, замененному вечной каторгой, откуда сбежал. Далее упоминались его аресты в 1921 и 1922 гг., разработка «Братья», принадлежность к троцкизму в 1920-х гг. Главными же компрометирующими материалами стали показания арестованных к тому времени лиц. Взятый по делу «военно-троцкистской организации» в СибВО начальник отделения 3-го отдела штаба СибВО майор М. Г. Токмаков 20 октября 1937 г. под давлением чекистов заявил, что Шишковский был ее участником, обрабатывал в троцкистском духе студентов института с целью их последующей вербовки в «организацию» и «развалил» дисциплину как учащихся, так и преподавательского состава [1, л. 2, 3, 101].

В годы «Большого террора» в НИВИТе были арестованы заведующие кафедр В. М. Завадский и С. М. Игнатович, преподаватели Андреев, Орлик, И. Д. Поспелов, Свиридов, Шерцингер и др. Шишковский на фоне массового погрома кадров СибВО 5 ноября 1937 г. был арестован оперативником Особого отдела Д. С. Казанцевым [3, л. 18]. При аресте и обыске были изъяты орден Красного Знамени № 11544, наградные именные кинжал и шапка, золотые именные часы № 16389 с золотой цепочкой, золотая серьга, шесть почетных грамот, пистолет системы Коровина, мелкокалиберная винтовка, два бинокля, портфель и знамя 9-го Донского полка [1, л. 5]. Следствие рассматривало Шишковского в качестве участника «военной троцкистской организации» с 1931 г., а также как агента немецкой разведки, связанного с арестованными германскими шпионами: И. П. Уборевичем и военными разведчиками Васильевым и В. Ф. Волей (бригадный комиссар, начальник цензурного отделения РУ РККА), которые слали в Берлин сведения о работе Разведуправления РККА и «оборонных работах на Востоке». В Новосибирске Шишковский якобы передавал Германии государственные секреты через мужа сестры А. Е. Шишковской — венгра Л. С. Киша, в 1926 г. отправленного на Соловки по подозрению в шпионаже, информируя противника о составе частей СибВО и даже учебе студентов НИВИТа [1, л. 8, 30, 71].

Установочный допрос по уточнению анкетных данных был проведен начальником 3-го отделения Особотдела В. А. Гинкеным 6 ноября 1937 г., сразу после ареста, но чекистам были нужны признания в шпионаже и заговорщицкой деятельности. Полковник держался достаточно долго, выдерживая пыточное следствие. Сломили его через полтора месяца, и 19 декабря 1937 г. Шишковский был вынужден подписать сочиненные следствием признания: был завербован Р. П. Эйдеманом в 1931 г. в троцкистскую организацию, был связан в Одессе с начальником штаба 51-й дивизии М. П. Кирпоносом (погиб под Киевом осенью 1941 г.) и начальником Академии им. Жуковского А. И. Тодорским (был репрессирован, выжил). Основной состав преступления касался работы в Разведупре: Шишковский показал, что В. Ф. Воля «мною пользовался по выдаче агентуры, посылаемой Разведупром в страны Востока — Китай, Маньчжоу-Го, Внутреннюю Монголию и пр., которые Воля знал достаточно хорошо. До своей работы в аппарате Разведупра он долго работал на негласной работе в Монголии. За время наших встреч им были переданы через меня Эйдеману сведения о нескольких десятках наших агентов, посылаемых за кордон» [1, л. 29].

Бывшего чекиста и военного разведчика не стали пропускать через Военную коллегию Верховного Суда СССР, а отправили материалы следствия в Москву, где его судьбу решила так называемая «высшая двойка» — Комиссия НКВД и Прокуратуры СССР, 19 января 1938 г. заочно

осудившая Шишковского к расстрелу. Однако руководство УНКВД по Новосибирской области нуждалось во внутрикамерных агентах, которые помогали бы обрабатывать в нужном следователям духе непокорных арестованных. Уже 2 февраля заместитель начальника УНКВД И. А. Мальцев написал начальнику Особых отделов РККА Н. Г. Николаеву-Журид ходатайство: «Приведение в исполнение приговора задерживаю в связи с тем, что ШИШКОВСКИЙ будет необходим для очных ставок с проходящим по делу Военпрокурором СибВО НЕЛИДОВЫМ, справка на арест которого выслана Вам 2 февраля 1938 года. <...> Для этой же цели нами задерживается приведение в исполнение приговора в отношении КИШ Людвига Стефановича». По показаниям Шишковского (знавшего Нелидова) и Киша военный прокурор П. Ф. Нелидов был два месяца спустя арестован и 25 августа 1938 г. расстрелян [2, л. 10, 13].

В новосибирской тюрьме действовал целый ряд внутрикамерных агентов («наседок»), обрабатывавших заключенных и не подозревавших, что их судьба давно решена внесудебными органами. Шишковский был слишком информированным агентом, чтобы получить многомесячную отсрочку. Будучи потенциально опасным свидетелем преступлений новосибирских чекистов, Шишковский был устранен, когда в нем отпала необходимость в связи с прекращением массового террора, а в Москве заговорили об «искривлениях социалистической законности». Как раз в те дни, когда руководство союзного НКВД решило прекратить массовые расстрелы на местах, полковник В. М. Шишковский был казнен в Новосибирске. Это произошло 14 ноября 1938 г.

Супруге Шишковского выпала тяжелая доля жены «врага народа»: Александра Еремеевна была арестована 22 ноября 1937 г. и поступила в распоряжение следователя-комсомольца А. Ф. Изотенко (уволенного из НКВД уже в августе 1938 г.). Шишковская показывала, что провела на ногах без сна и воды трое суток, после чего Изотенко «взял ручку с пером, вложил в мою руку и подписал» признание в том, что она знала о преступной деятельности мужа. В итоге Шишковская оказалась осуждена не к лагерному заключению, как жена «изменника родины», а получила пять лет ссылки в Киргизию [1, л. 120, 122]. Освободившись, она отыскала дочерей, а после смерти Сталина начала борьбу за доброе имя своего супруга.

В. М. Шишковский был реабилитирован военной юстицией 28 июля 1956 г., но о причинах его смерти чекисты сообщили вдове ложную информацию о якобы кончине 15 марта 1945 г. от кровоизлияния в мозг. До сих пор биография Шишковского оставалась неизвестной. Однако благодаря изучению нами его следственного дела в архиве УФСБ по Новосибирской области и недавним архивным разысканиям правнучки героя Марии Гришук, предоставившей в наше распоряжение подробную автобиографию Шишковско-

го, появилась возможность реконструировать жизненный путь этой яркой и примечательной личности, оставившей заметный след в невероятных перипетиях советской истории.

Резкие переломы биографии В. М. Шишковского — от подполья и боев Гражданской войны на Украине к тайным операциям в Грузии и на юге России, от обучения в Военной академии и преподавания военных дисциплин к работе на военную разведку — демонстрируют усилия крупной личности. В жизни этого человека были постоянные карьерные взлеты и падения, но до самого рокового 1937 г. он успешно адаптировался к ним. Владимир Шишковский внес большой вклад в развитие армии и военного образования, упорным трудом добился некоторых номенклатурных позиций. Государство, чью мощь явным и тайным образом всю жизнь укреплял полковник Шишковский, терпеливо сносивший выпавшие на его долю неоднократные репрессии, не доверяло

ему и в годы «Большого террора» беспощадно уничтожило. Вслед за юридической реабилитации должно прийти время изучения примечательной жизни Шишковского в контексте его эпохи, к чему мы делаем первые шаги.

Список литературы

1. *Архив УФСБ по Новосибирской области.* Д. П-3715.
2. *Архив УФСБ по Новосибирской области.* Д. П-3715. Материалы дополнительной проверки.
3. *Государственный архив Новосибирской области.* Ф. П-4. Оп. 18. Д. 4496.
4. *Государственный архив Российской Федерации.* Ф. Р-7523. Оп. 44. Д. 199.
5. *Плеханов А. М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921—1928. М. : Кучково поле, 2006. 704 с.

A. G. Teplyakov

A STRANGER AMONG HIS OWN PEOPLE: COMMISSIONER, SECURITY OFFICER, MILITARY INTELLIGENCE OPERATIVE VLADIMIR SHISHKOVSKY

The article is devoted to the analysis of the biography of the Soviet military figure Colonel V. M. Shishkovsky (1892—1938) reconstructed from little-known archival sources, distilled from the funds of the State security bodies. Shishkovsky belonged to those energetic figures from humble origins, which in the pre-revolutionary period embarked on the path of illegal struggle with the State orders, and after the revolutions of 1917 were able to take advantage of the appeared social elevators. Shishkovsky was able to prove himself as a partisan organizer and an active creator of the Red Army parts in Ukraine. In the early 1920s Shishkovsky participated in the secret operations of Cheka-SPD bodies in the south of Russia and Georgia, was subjected to groundless repressions, but was able to, expertly applying the practices of social adaptation, achieve serious career success. He proved himself in the organization of military training in a number of regions of the country, was involved in the activities of the RKKA intelligence and eventually was destroyed as a «public enemy». Shishkovsky's biography complements the image of a typical Soviet military figure with vivid details, which helped the initially marginal personality to adequately fit into the nomenclature context of the Soviet era, which required, according to Lenin, «harder people».

Keywords: Shishkovsky, revolutionary underground, Civil war, intelligent agencies, provocations, Red Army, repressions.